

Муниципальный этап
Всероссийской олимпиады школьников по экономике

7 - 8 класс

Задание 1

Литературное детство

Прочитайте два фрагмента и последовательно ответьте на вопросы:

- что объединяет эти эпизоды?
- какую роль они играют в произведениях, с какими художественными смыслами связаны?
- как построены описания ситуаций, на что в них обращает внимание автор?
- как приведенные описания соотносятся с происходящими событиями, как характеризуют героев?

Проснулся я от солнечного луча, пробившегося в мутное окошко кладовой. В луче мошкой мельтешила пыль. Откуда-то наносило заимкой, пашней. Я огляделся, и сердце моё радостно подпрыгнуло: на меня был накинут дедушкин старенький полушубок. Дедушка приехал ночью! Красота!

На кухне бабушка громко, возмущённо рассказывала:

— ... Культурная дамочка, в шляпке. Говорит: «Я у вас эти вот ягодки все куплю». — «Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемычный собирал...»

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог разобрать, что говорила она дальше, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы умереть скорее. Но сделалось жарко, глухо, стало невольно дышать, и я открылся.

— Своих вечно потачил! — шумела бабушка. — Теперь этому! А он уже мошенничает! Чё потом из него будет? Каторжанец будет! Вечный арестант будет! Я вот ещё левонтьевских в оборот возьму! Это ихняя грамота!..

Убрался дед во двор от греха подальше. Бабушка вышла в сенки, заглянула в кладовку. Я крепко сомкнул веки.

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё-ё вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом бабушкина племянница, спросила, как бабушка сплавала в город. Бабушка сказала, что слава Богу, и тут же принялась рассказывать:

— Мой-то малой-то!.. Чего утворил!..

В это утро к нам приходило много людей, и всем бабушка говорила: «А мой-то малой-то!»

Бабушка ходила взад-вперёд, поила корову, выгоняла её к пастуху, делала разные свои дела и всякий раз, пробегая мимо дверей кладовки, кричала:

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё-ё вижу!

Я знал, что она управится по дому и уйдёт. Всё равно уйдёт — поделиться новостями, почерпнутыми в городе, и узнать те новости, какие свершились без неё на селе. И каждому встречному бабушка будет твердить: «А мой-то малой-то!»

В кладовку завернул дедушка, вытянул из-под меня кожаные вожжи и подмигнул: ничего, дескать, не робей! Я заширкал носом.

Дед погладил меня по голове, и так долго копившиеся слёзы хлынули безудержно из моих глаз.

— Ну что ты, что ты! — успокаивал меня дед, обирая большой жёсткой рукой слёзы с моего лица. — Чего же голодный-то лежишь? Попроси прощенья... Ступай, ступай, — легонько подтолкнул меня дед в спину.

Придерживая одной рукой штаны, я принял другую к глазам, ступая в избу, и заревел: — Я больше... я больше... я больше...—И ничего дальше сказать не мог.

— Ладно уж, умойся да садись трескать! — всё ещё непримиримо, но уже без грозы сказала бабушка.

(В. Астафьев «Конь с розовой гривой»)

Том не пошел в школу и отлично провел время. Он еле успел вернуться домой, чтобы до ужина помочь негритенку Джиму напилить на завтра дров и наколоть щепок для растопки. Во всяком случае, он успел рассказать Джиму о своих похождениях, пока тот сделал три четверти работы. Младший (или, скорее, сводный) брат Тома, Сид, уже сделал все, что ему полагалось (он подбирал и носил щепки): это был послушный мальчик, не склонный к шалостям и проказам.

Покуда Том ужинал, при всяком удобном случае таская из сахарницы куски сахара, тетя Полли задавала ему разные каверзные вопросы, очень хитрые и мудреные, — ей хотелось поймать Тома врасплох, чтобы он проговорился. Как и многие простодушные люди, она считала себя большим дипломатом, способным на самые тонкие и таинственные уловки, и полагала, что все ее невинные хитрости — чудо изворотливости и лукавства. Она спросила:

— Том, в школе было не очень жарко?

— Нет, тетя.

— А может быть, очень жарко?

— Да, тетя.

— Что ж, неужели тебе не захотелось выкупаться, Том?

У Тома душа ушла в пятки — он почувал опасность.

Он недоверчиво посмотрел в лицо тете Полли, но ничего особенного не увидел и потому сказал:

— Нет, тетя, не очень.

Она протянула руку и, пощупав рубашку Тома, сказала:

— Да, пожалуй, ты несколько не вспотел. — Ей приятно было думать, что она сумела проверить, сухая ли у Тома рубашка, так, что никто не понял, к чему она клонит.

Однако Том сразу почувал, куда ветер дует, и предупредил следующий ход:

— У нас в школе мальчики обливали голову из колодца. У меня она и сейчас еще мокрая, поглядите!

Тетя Полли очень огорчилась, что упустила из виду такую важную улику. Но тут же вдохновилась опять.

— Том, ведь тебе не надо было распарывать воротник, чтобы окатить голову, верно? Расстегни куртку!

Лицо Тома просияло. Он распахнул куртку — воротник был крепко зашит.

— А ну тебя! Убирайся вон! Я, признаться, думала, что ты сбежишь с уроков купаться. Так и быть, на этот раз я тебя прощаю. Не так ты плох, как кажешься.

Она и огорчилась, что пронцательность обманула ее на этот раз, и обрадовалась, что Том хоть случайно вел себя хорошо.

Тут вмешался Сид:

— Мне показалось, будто вы зашили ему воротник белой ниткой, а теперь у него черная.

— Ну да, я зашивала белой! Том!

Но Том не стал дожидаться продолжения. Выбегая за дверь, он крикнул:

— Я это тебе припомню, Сидди!

В укромном месте Том осмотрел две толстые иголки, вколотые в лацканы его куртки и обмотанные ниткой: в одну иголку была вде́та белая нитка, в другую — черная.

— Она бы ничего не заметила, если бы не Сид. Вот черт! То она зашивает белой ниткой, то черной. Хоть бы одно что-нибудь, а то никак не уследишь. Ну и отлуплю же я Сида. Будет помнить!

Том не был самым примерным мальчиком в городе, зато очень хорошо знал самого примерного мальчика — и терпеть его не мог.

(М. Твен «Приключения Тома Сойера»)

Постарайтесь вспомнить фрагменты из других литературных произведений, которые по тем или иным основаниям интересно было бы сравнить с приведёнными. Укажите авторов и названия этих произведений. Напишите небольшую заметку, в которой будут охарактеризованы функции подобных описаний в разных литературных произведениях.

Критерии оценивания:

1. Точность, конкретность, необходимая и достаточная степень детализации ответа на каждый вопрос – до 2 баллов за каждый ответ; максимальный балл по критерию – 8;

2. Уместность самостоятельно подобранных эпизодов из других произведений, верно указанные названия произведений и фамилии их авторов – до 6 баллов (по 2 балла за каждый верно приведенный собственный пример);

3. Подробное и глубокое (многоаспектное) сравнение эпизодов-описаний взаимоотношений детей и взрослых в написанной заметке – до 8 баллов;

4. Логичность, композиционная связность, речевая грамотность – до 3 баллов.

Максимальный балл – 25.

Задание 2

Игра в метафоры

Художники часто выстраивают свои произведения так, что получаются визуальные метафоры. Например, знаменитая картина Рене Магритта – визуальное воплощение метафоры «человек без лица».

Рис.1.

Посмотрите на картины, выберите одну из них, расшифруйте возможное содержание той визуальной метафоры, которую она выражает, найдите к ней литературный аналог: иллюстрацией к какому произведению или эпизоду могла бы быть эта картина? Напишите развёрнутый текст-сравнение картины и произведения / эпизода, в котором подробно раскройте контекстуальный смысл выбранной метафоры, её содержательную роль в нём.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Критерии оценивания:

1. Объяснение визуальной метафоры (логичность, аргументированность, убедительность объяснения) – до 3 баллов.

2. Уместность и обоснованность приведенной литературной параллели – до 5 баллов;

3. Подробное и глубокое (многоаспектное) сравнение картины и эпизода/текста – до 5 баллов;

4. Речевая грамотность (всех ответов и написанного текста-сравнения), композиционная связность текста – до 3 баллов.

Максимальный балл - 16.

В задании приведены следующие картины:

Рис. 1 Кацусика Хокусай, Большая волна в Канагаве (1823—1831), Метрополитен-музей, Нью-Йорк. Возможные расшифровки образного ряда – море жизни, борьба, столкновение понятий динамичности и устойчивости, хрупкости человеческой жизни и воли к победе и т.п.

Рис. 2 Петров-Водкин Кузьма Сергеевич, 1 мая (1919), Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва. Возможные расшифровки образного ряда – творческие и духовные устремления, полёт воображения, порыв, единение и т.п.

Рис. 3 Вельц Иван Августович, Иней (1906), Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. Возможные расшифровки образного ряда – зима, холод, лес, природа, одиночество, пустота, чистота и т.п.

Рис. 4 Рерих Николай Константинович, Бой со змеем (1912), Рязанский государственный областной художественный музей им. И.П. Пожалостина. Возможные расшифровки образного ряда – многообразные формы вечной борьбы Добра и Зла и т.п.

Муниципальный этап
Всероссийской олимпиады школьников по экономике

9 класс

Задание 1

Выполните целостный анализ произведения Ш. Бодлера. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: особенности лирической коммуникации (кто, к кому и каким образом обращается в стихотворении?). Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Шарль Бодлер

Исповедь

Один лишь только раз вы мраморной рукою
О руку оперлись мою.
Я в недрах памяти, мой добрый друг, с тоскою
Миг этой близости таю.

Все спало. Как медаль, на куполе высоком
Блестела серебром луна.
На смолкнувший Париж торжественным потоком
Лилась ночная тишина.

Лишь робко крадучись иль прячась под ворота,
Не спали кошки в этот час,
Или доверчиво, как тень, как близкий кто-то,
Иная провожала нас.

И дружба расцвела меж нами в свете лунном, —
Но вдруг, в сияющей ночи,
У вас, красавица, у лиры той, чьим струнам
Сродни лишь яркие лучи,

У светлой, радостной, как праздничные трубы,
Все веселящие вокруг,
Улыбкой жалобной скривились, дрогнув, губы,
И тихий стон, слетевший вдруг,

Был как запуганный, брошенный, забытый
Ребенок хилый и больной,
От глаз насмешливых в сыром подвале скрытый
Отцом и матерью родной.

И, словно пленный дух, та злая нота пела,
Что этот мир неисправим,
Что всюду эгоизм и нет ему предела,
Он только изменяет грим.

Что быть красавицей — нелегкая задача,
Привычка, пошлая, как труд
Танцорок в кабаре, где, злость и скуку пряча,
Они гостям улыбку шлют,

Что красоту, любовь — все в мире смерть уносит,
Что сердце — временный оплот.
Все чувства, все мечты Забвенье в сумку бросит
И жадной Вечности вернет.

Как ясно помню я и той луны сиянье,
И город в призрачной тиши,
И то чуть слышное, но страшное признание,
Ночную исповедь души.

1855

Выполните целостный анализ произведения А.Т. Аверченко. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: тема времени в рассказе; приемы комического в повествовании. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Три желудя

I

Нет ничего бескорыстнее детской дружбы... Если проследить начало ее, ее истоки, то в большинстве случаев наткнешься на самую внешнюю, до смешного пустую причину ее возникновения: или родители ваши были «знакомы домами» и таскали вас, маленьких, друг к другу в гости, или нежная дружба между двумя крохотными человечками возникла просто потому, что жили они на одной улице или учились оба в одной школе, сидели на одной скамейке – и первый же разделенный братски пополам и съеденный кусок колбасы с хлебом посеял в юных сердцах семена самой нежнейшей дружбы.

Фундаментом нашей дружбы – Мотька, Шаша и я – послужили все три обстоятельства: мы жили на одной улице, родители наши были «знакомы домами» (или, как говорят на юге, – знакомы домамы), и все трое вкусили горькие корни учения в начальной школе Марьи Антоновны, сидя рядом на длинной скамейке, как желуды на одной дубовой ветке.

У философов и у детей есть одна благородная черта – они не придают значения никаким различиям между людьми – ни социальным, ни умственным, ни внешним. У моего отца была галантерейная лавка (аристократия), Шашин отец работал в порту (плебс, разночинство), а Мотькина мать просто существовала на проценты с грошового капитала (рантье, буржуазия). Умственно Шаша стоял гораздо выше нас с Мотькой, а физически Мотька почитался среди нас – веснушчатых и худосочных – красавцем. Ничему этому мы не придавали значения... Братски воровали незрелые арбузы на баштанах, братски их пожирали и братски же катались потом по земле от нестерпимой желудочной боли.

Купались втроем, избивали мальчишек с соседней улицы втроем, и нас били тоже всех трех – единосушно и нераздельно.

Если в одном из трех наших семейств пеклись пироги – ели все трое, потому что каждый из нас почитал святой обязанностью, с опасностью для собственного фасада и тыла, воровать горячие пироги для всей компании.

У Шашина отца – рыжебородого пьяницы – была прескверная манера лупить своего отпрыска, где бы он его ни настигал, так как около него всегда маячили и мы, то этот прямолинейный демократ бил и нас на совершенно равных основаниях.

Нам и в голову не приходило роптать на это, и отводили мы душу только тогда, когда Шашин отец брел обедать, проходя под железнодорожным мостом, а мы трое стояли на мосту и, свесив головы вниз, заунывно тянули:

Рыжий красный

Человек опасный...

Я на солнышке лежал...

Кверху бороду держал...

– Сволочи! – грозил снизу кулаком Шашин отец.

– А ну иди сюда, иди, – грозно говорил Мотька. – Сколько вас нужно на одну руку?

И если рыжий гигант взбирался по левой стороне насыпи, мы, как воробьи, вспархивали и мчались на правую сторону – и наоборот. Что там говорить – дело было беспроегрешное.

Так счастливо и безмятежно жили мы, росли и развивались до шестнадцати лет.

А в шестнадцать лет, дружно взявшись за руки, подошли мы к краю воронки, называемой жизнью, опасливо заглянули туда, как щепки попали в водоворот, и водоворот закружил нас.

Шаша поступил наборщиком в типографию «Электрическое усердие», Мотю мать отправила в Харьков в какую-то хлебную контору, а я остался не пристроенным, хотя отец и мечтал «определить меня на умственные занятия», – что это за штука, я и до сих пор не знаю. Признаться, от этого сильно пахло писцом в мешанской управе, но, к моему счастью, не оказывалось вакансии в означенном мрачном и скучном учреждении...

С Шашей мы встречались ежедневно, а где был Мотька и что с ним – об этом ходили только туманные слухи, сущность которых сводилась к тому, что он «удачно определился на занятия» и что сделался он таким франтом, что не подступись.

Мотька постепенно сделался объектом нашей товарищеской гордости и лишенных зависти мечтаний возвыситься со временем до него, Мотьки.

И вдруг получилось сведение, что Мотька должен прибыть в начале апреля из Харькова «в отпуск с сохранением содержания». На последнее усиленно напирала Мотькина мать, и в этом сохранении видела бедная женщина самый пышный лавр в победном венке завоевателя мира Мотьки.

II

В этот день не успели закрыть «Электрическое усердие», как ко мне ворвался Шаша и, сверкая глазами, светясь от восторга, как свечка, сообщил, что уже видели Мотьку едущим с вокзала и что на голове у него настоящий цилиндр!..

– Такой, говорят, франт, – горделиво закончил Шаша, – такой франт, что пусти – вырвусь.

Эта неопределенная характеристика франтовства разожгла меня так, что я бросил лавку на приказчика, схватил фуражку – и мы помчались к дому блестящего друга нашего.

Мать его встретила нас несколько важно, даже с примесью надменности, но мы впопыхах не заметили этого и, тяжело дыша, первым долгом потребовали Мотю...

Ответ был самый аристократический:

– Мотя не принимает.

– Как не принимает? – удивились мы. – Чего не примет?

– Вас принять не может. Он сейчас очень устал. Он сообщит вам, когда сможет принять. Всякой шикарности, всякой респектабельности должны быть границы. Это уже переходило даже те широчайшие границы, которые мы себе начертили.

– Может быть, он нездоров?.. – попытался смягчить удар деликатный Шаша.

– Здоров-то он здоров... Только у него, он говорит, нервы не в порядке... У них в конторе перед праздниками было много работы... Ведь он теперь уже помощник старшего конторщика. Очень на хорошей ноге.

Нога, может быть, была и подлинно хороша, но нас она, признаться, совсем придавила: «нервы, не принимает»...

Возвращались мы, конечно, молча. О шикарном друге, впредь до выяснения, не хотелось говорить. И чувствовали мы себя такими забытыми, такими униженно-жалкими, провинциальными, что хотелось и расплакаться, и умереть или, в крайнем случае, найти на улице сто тысяч, которые дали бы и нам шикарную возможность носить цилиндр и «не принимать» – совсем, как в романах.

– Ты куда? – спросил Шаша.

– В лавку. Скоро записать надо. (Боже, какая проза!) А ты?

– А я домой... Выпью чаю, поиграю на мандолине и завалюсь спать.

Проза не меньшая! Хе-хе.

III

На другое утро – было солнечное воскресенье – Мотькина мать занесла мне записку: «Будьте с Шашей в городском саду к 12 часам. Нам надо немного объясниться и пересмотреть наши отношения. Уважаемый вами Матвей Смелков».

Я надел новый пиджак, вышитую крестиками белую рубашку, зашел за Шашей и – побрели мы со стесненными сердцами на это дружеское свидание, которого мы так жаждали и которого так инстинктивно, панически боялись.

Пришли, конечно, первые. Долго сидели с опущенными головами, руки в карманах. Даже в голову не пришло обидеться, что великолепный друг нагл и заставляет ждать так долго.

Ах! Он был, действительно, великолепен... На нас надвигалось что-то сверкающее, бряцающее многочисленными брелоками и скрипящее лаком желтых ботинок с перламутровыми пуговицами.

Пришелец из неведомого мира графов, золотой молодежи, карет и дворцов – он был одет в коричневый жакет, белый жилет, какие-то сиреневые брючки, а голова увенчивалась сверкающим на солнце цилиндром, который если и был мал, то размеры его уравновешивались огромным галстуком с таким же огромным бриллиантом...

Палка с лошадиной головой обременяла правую аристократическую руку. Левая рука была обтянута перчаткой цвета освежеванного быка. Другая перчатка высывалась из внешнего кармана жакета так, будто грозила нам своим вялым указательным пальцем: «Вот я вас!.. Отнесите только без должного уважения к моему носителю».

Когда Мотя приблизился к нам развинченной походкой пресыщенного денди, добродушный Шаша вскочил и, не могши сдержать порыва, простер руки к сиятельному другу:

– Мотька! Вот, брат, здорово!..

– Здравствуйте, здравствуйте, господа, – солидно кивнул головой Мотька и, пожав наши руки, опустился на скамейку...

Мы оба стояли.

– Очень рад видеть вас... Родители здоровы? Ну, слава Богу, приятно, я очень рад.

– Послушай, Мотька... – начал я с робким восторгом в глазах.

– Прежде всего, дорогие друзья, – внушительно и веско сказал Мотька, – мы уже взрослые, и поэтому «Мотьку» я считаю определенным «кель выражансом»... Хе-хе... Не правда ли? Я уже теперь Матвей Семеныч – так меня и на службе зовут, а сам бухгалтер за ручку здоровкается. Жизнь солидная, оборот предприятия два миллиона. Отделение есть даже в Коканде... Вообще, мне бы хотелось пересмотреть в корне наши отношения.

– Пожалуйста, пожалуйста, – пробормотал Шаша. Стоял он, согнувшись, будто свалившимся невидимым бревном ему переломило спину...

Перед тем как положить голову на плаху, я малодушно попытался отодвинуть этот момент.

– Теперь опять стали носить цилиндры? – спросил я с видом человека, которого научные занятия изредка отвлекают от капризов изменчивой моды.

– Да, носят, – снисходительно ответил Матвей Семеныч. – Двенадцать рублей.

– Славные брелочки. Подарки?

– Это еще не все. Часть дома. Все на кольце не помещаются. Часы на камнях, анкер, завод без ключа. Вообще, в большом городе жизнь – хлопотливая вещь. Воротнички «Монополь» только на три дня хватают, маникюр, пикники разные.

Я чувствовал, что Матвею Семенычу тоже не по себе...

Но, наконец, он решился. Тряхнул головой так, что цилиндр вспрыгнул на макушку, и начал:

– Вот что, господа... Мы с вами уже не маленькие, и, вообще, детство – это одно, а когда молодые люди, так совсем другое. Другой, например, до какого-нибудь там высшего общества, до интеллигенции дошел, а другие есть из низших классов, и если бы вы, скажем, увидели в одной карете графа Кочубея рядом с нашей Миронихой, которая, помните, на углу маковники продавала, так вы бы первые смеялись до безумия. Я, конечно, не Кочубей, но у меня есть известное положение, ну, конечно, и у вас есть известное положение, но не такое, а что мы были маленькими вместе, так это мало ли что... Вы сами понимаете, что мы уже друг другу не пара... и... тут, конечно, обижаться нечего – один достиг, другой не достиг... Гм!.. Но, впрочем, если хотите, мы будем изредка встречаться около железнодорожной будки, когда я буду делать прогулку, все равно там публики нет, и мы будем как свои. Но, конечно, без особенной фамильярности – я этого не люблю. Я, конечно, вхожу в наше положение – вы меня любите, вам даже, может быть, обидно, и поверьте... Я со своей стороны... если могу быть чем-нибудь полезен... Гм! Душевно рад.

В этом месте Матвей Семеныч взглянул на свои часы нового золота и заторопился:

– О, ля-ля! Как я заболтался... Семья помещика Гузикова ждет меня на пикник, и, если я запоздаю, это будет нонсенс. Желаю здравствовать! Желаю здравствовать! Привет родителям!..

И он ушел, сверкающий и даже не немного гнущийся под бременем респектабельности, усталый от повседневного вихря светской жизни.

IV

В этот день мы с Шашей, заброшенные, будничные, лежа на молодой травке железнодорожной насыпи, в первый раз пили водку и в последний раз плакали.

Водку мы пьем и теперь, но уже больше не плачем. Это были последние слезы детства. Теперь – засуха.

И чего мы плакали? Что хоронили? Мотыка был напыщенный дурак, жалкий третьестепенный писец в конторе, одетый, как попугай, в жакет с чужого плеча; в крохотном цилиндре на макушке, в сиреневых брюках, обвешанный медными брелоками, – он теперь кажется мне смехотворным и ничтожным, как червяк без сердца и мозга, – почему же мы тогда так убивались, потеряв Мотыку?

А ведь – вспомнишь, – как мы были одинаковы, – как три желудя на дубовой ветке, – когда сидели на одной скамейке у Марьи Антоновны...

Увы! Желуди-то одинаковы, но когда вырастут из них молодые дубка – из одного дубка делают кафедру для ученого, другой идет на рамку для портрета любимой девушки, а из третьего дубка смастерят такую виселицу, что любо-дорого...

(1918)

Критерии оценивания:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

5. Общая языковая и речевая грамотность, точность формулировок (отсутствие речевых и грамматических ошибок).

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

Итого: максимальный балл – 70.

Н.В. Направления анализа, предложенные школьникам, не являются обязательными для целостного анализа; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Если ученик выбрал собственный путь анализа – он имел на это право, и оценивать надо работу в целом, а не наличие в ней ответов на опорные вопросы.

Задание 2

Последняя строчка

Один из выпусков популярного литературного канала «Армен и Федор» посвящен десяти лучшим первым строчкам в истории русской литературы. Послушайте/посмотрите пример разбора одной строчки (<https://www.youtube.com/watch?v=rznLMpAqg54> – временной интервал 33.35 – 38.35).

Напишите для канала «Армен и Федор» (или для своего канала) подобный же разбор строчки из текста произведения (она подчеркнута):

Рассказа А.П. Чехова «Дом с мезонином»:

Я уже начинаю забывать про дом с мезонином, и лишь изредка, когда пишу или читаю, вдруг ни с того, ни с сего припомнится мне то зеленый огонь в окне, то звук моих шагов, раздававшихся в поле ночью, когда я, влюбленный, возвращался домой и потирал руки от холода. А еще реже, в минуты, когда меня томит одиночество и мне грустно, я вспоминаю смутно, и мало-помалу мне почему-то начинает казаться, что обо мне тоже вспоминают, меня ждут и что мы встретимся...

Мисюсь, где ты?

Критерии оценивания:

1. Выявление смысловых и композиционных связей последней строчки с предшествующим контекстом – до 10 баллов;

2. Соответствие текста жанровым особенностям видеоблога (лаконичность формулировок, сфокусированность выступления на одной проблеме, четкое выделение ключевых пунктов, свободное движение мысли) – до 5 баллов;

3. Грамотность и выразительность речи, композиционная связность текста – до 5 баллов.

Максимальный балл – 20.

Муниципальный этап
Всероссийской олимпиады школьников по экономике

10 класс

Задание 1

Выполните целостный анализ произведения Ш. Бодлера. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: характер сравнений; особенности лирической коммуникации (к кому/чему обращена последняя строфа стихотворения?). Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Шарль Бодлер

Флакон

Есть запахи, чья власть над нами бесконечна:
В любое вещество въедаются навечно.
Бывает, что, ларец диковинный открыв
(Заржавленный замок упорен и визглив),

Иль где-нибудь в углу, средь рухляди чердачной
В слежавшейся пыли находим мы невзрачный
Флакон из-под духов: он тускл, и пуст, и сух,
Но память в нем жива, жив отлетевший дух.

Минувшие мечты, восторги и обиды,
Мечты увядшие — слепые хризалиды¹,
Из затхлой темноты, как бы набравшись сил,
Выпрастывают вдруг великолепье крыл.

В лазурном, золотом, багряном одеянье,
Нам голову кружа, парит Воспоминанье...
И вот уже душа, захваченная в плен,
Над бездной склонена и не встает с колен.

Возникнув из пелен, как Лазарь воскрешенный,
Там оживает тень любви похороненной,
Прелестный призрак, прах, струящий аромат,
Из ямы, где теперь — гниенье и распад.

Когда же и меня забвение людское

¹ Хризалида – куколка бабочки золотистого цвета.

Засунет в старый шкаф небрежною рукою,
Останусь я тогда, надтреснут, запылен,
Несчастный, никому не надобный флакон,

Гробницею твоей, чумное, злое зелье,
Яд, созданный в раю, души моей веселье,
Сжигающий нутро расплавленный свинец,
О, сердца моего начало и конец!

1857

Выполните целостный анализ произведения А.С. Грина. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: приёмы сопоставления заглавного героя и его посетителей (о чём и с какими интонациями они говорят?). Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Александр Степанович Грин

Последние минуты Рябинина

I

В высокой, просторной, с богатой обстановкой, комнате лежал Рябинин. Вошел доктор, а за ним, неся лекарство и осторожно ступая, чтобы не разбудить больного, появилась сестра милосердия, девушка лет сорока, с постным и чванным лицом.

– Он спит, – сказал доктор.

– Он очень изнурен, – пояснила сестра милосердия, – весь день больной метался и бредил, говоря разные странные, даже неприличные вещи. Но, кажется, микстура понемногу действует.

– Он спит, да, – сказал доктор. – Это хороший признак. Я зайду после.

– Я разбужу его?!

– Нет, этого не следует делать.

Доктор посмотрел на часы и взял шляпу. Он постоял, зевая, затем подошел к кровати.

– Больной выглядит плохо. Эти синеватые тени и побуревшие скулы... гм... гм!.. Когда ему стало хуже?

– Два дня. Я говорила с ним. Он жаловался на острую боль в голове, слабость и лихорадку.

– Он ест?

– Ни крошки, но сильно мучается жаждой.

– В погребке чертовски темно, – вдруг сказал Рябинин, вертя головой. – Подай фонарь! Слышишь, ты, старая хрычовка?

– Бредит, – сказал доктор, взял руку больного и стал считать пульс. – Восемьдесят... семь... сто десять... гм... гм... тяжелый случай.

Он стоял, покачивая головой и думая обычные мысли живого человека о смерти: «Бытие стремится к уничтожению. Жизнь – зарождение, развитие и гибель клетчатки. Все погибает, все рождается».

Рябинин тяжело задышал, вскрикивая:

– Подайте мне сапоги!

– Несчастный Алексей Федорович! – равнодушно сказала сестра.

– Однако я тороплюсь. – Доктор, вынув записную книжку, писал рецепт. – Эти порошки три раза в день; а к голове лед. До свиданья.

II

Утром на другой день сестра милосердия отлучилась на полчаса, а к больному пришел навестить его Осип Кириллыч Скуба, знакомый фельдшер Рябинина. Сидя у изголовья спящего Рябинина, Скуба читал отысканный на этажерке бульварный роман. Полуоткрытым окном шевелил ветер, рама скрипнула; увлеченный чтением, Скуба вздрогнул, поднял голову и стал размышлять:

– В романах женщины отдаются легко, а попробуй в действительности! Я думаю, что авторы, описывая любовные интриги, дополняют воображением недостаток своего собственного существования. Ну, мыслимо ли, чтобы в течение одного месяца Артур соблазнил четырех графинь, полдюжины баронесс, монахиню, горничную и двух дочерей лакея? Впрочем, мне все равно, и я думаю... – Здесь Скуба, осмотревшись, вытащил из кармана зеркальце и стал внимательно рассматривать свое похожее на дыню лицо. – Я думаю, что при некотором усилии с моей стороны обладание женщинами давалось бы мне легко. Но я ленив. В прошлом году... Судомойка из ресторана... Нет, та была слишком толста. – Медленно шевеля губами, Скуба прочел: – «Пухлая шея вздрагивала от поцелуев». Какая сочная кисть у этого автора!

– Кто-нибудь! – открывая глаза, простонал Рябинин.

– Здравствуйте! – сказал Скуба. – Это я, ну как ваши делишки? Лучше ли вам?

Больной повернул голову.

– Не знаю, – с усилием проговорил он. Помолчав, Рябинин продолжал, морщась от надоедливой мухи: – Голова распухла, и весь я как будто распух, отяжелел и... разбит. Был мерзкий сон... Я видел себя лежащим на шоссе на дороге, связанным по рукам и ногам. По мне проезжали возы... Тысячи возов. Они ехали тихо, один за другим... головы лошадей упирались в задки телег... и массивные ободки колес врезывались в меня.

– Ужасный сон, – подобострастно сказал фельдшер.

– Комната потихоньку кружится слева направо, – неожиданно заявил Рябинин. – Нельзя ли остановить ее?

– Успокойтесь, это ваше больное воображение, – оглядываясь, возразил Скуба. – Все стоит крепко на своем месте.

– На фабрике все по-прежнему? – устремив глаза в потолок, спросил Рябинин.

– Ах! – не отвечая на вопрос и захлебываясь осторожным смешком, подпрыгнул Скуба. – Знаете, я расскажу вам забавную историю. Старший монтер Чиликин со своей молоденькой мачехой... ей-богу! Отец погнался за ним с ружьем, а он, выскочив в окно, кричит: «Я, батя, родственные узы скрепляю!»

– Неужели?

– Представьте. Так и сказал. Скуба, хихикая, блеснул глазами.

Болезненная гримаса смеха появилась на восковом лице инженера. Он, приподнявшись, разразился глухим кашлем и сунулся головой в подушку, сказав:

– Скверно. Пожалуйста, принесите мне стакан чаю. В столовой.

Рябинин лежал лицом вверх, время от времени слабо шаря руками по одеялу, как бы сбрасывая невидимую тяжесть. Через минуту он снова впал в бредовое, бессознательное состояние.

III

Скуба появился, держа в вытянутой руке стакан чая, а следом за ним вошел церковный староста фабричной церкви и, вместе с тем, токарный мастер – Филиппов. Это был плотный человек с круглым, веснушчатым лицом, стриженный по-казацки, в кружок.

– Смотрите, – шептал Скуба, – как скрутило-то его, а?

– Д-да-с, д-да-с... – промычал Филиппов, – так-с...

– С-с-с! – зашипел Скуба, ставя стакан на стол. – Заснул, что ли?.. Просила меня сестра посидеть с ним. А вы как?

– По ягоды хожу. Полпуда варенья жена сварила.

Они говорили шепотом.

– Новый пасьянс узнал, – сказал Скуба, – вот интересный. Я карты с собой завсегда ношу, езжу в Парголово, так уж в «двадцать одно» постоянно с чухной играю.

Он, муся пальцы, стал раскладывать карты.

– Тройку сюда, – советовал Филиппов, углубляясь в занятие. – Выгоднее туза взять.

Рябинин, очнувшись, закашлялся. Филиппов, сочувственно тараща глаза, подошел к кровати.

– Эка вы нас пугаете, – безразличным голосом произнес он, – хворать вздумали, нехорошо, Алексей Федорович!

– Да, скверно, – узнавая Филиппова, прошептал Рябинин, – временами мне кажется, что я уже умер. Одеядло давит меня. Мне жарко... а руки... мерзнут. Я скоро умру.

– Тьфу, тьфу! типун на язык, – сказал Филиппов, – чего еще выдумаете! Еще нас всех переживете.

– Нет, я умру, – упрямо заявил Рябинин.

– Крепитесь, крепитесь, – басил Филиппов. – Господь... все в руке божией.

– Я знаю, что умру. – Рябинин усмехнулся. – Все равно.

– Нет, уж вы, пожалуйста, не расстраивайтесь, – говорил, словно торгуя ненужную вещь, Филиппов.

– Звук каждого слова болезненно отдается в мозгу, – сказал, помолчав, Рябинин, – но мне хочется разговаривать. Мне как будто немного легче. А знаете... я думал... Ничего нет.

– Как-с? – не понял Филиппов.

– Я говорю, – как бы разговаривая сам с собою, продолжал Рябинин, – что... ничего нет... простая штука.

– Это где же? – вставил фельдшер.

– Там. – Рябинин криво и неохотно улыбнулся. – Там... за гробом... как это принято говорить.

– Как нету? Есть... – недоумевая, сказал староста. – Все есть.

Рябинин сделал попытку мотнуть рукой.

– Рассказывайте! – Он как будто немного оживился, заговорив громче. – Бабы сказки. Все чепуха. «Земля есть, и... в землю...» Пожалуйте землю есть. Да. Когда будете умирать – увидите, что я прав. Я, это, знаете, не думаю, а чувствую. Тело мое в ужасе. Оно противится разрушению. Оно... осязает смерть. Я ничему не верю. Сегодня ночью я испытывал предсмертную тоску каждого мускула... каждого ногтя и волоса. Да. Страх смерти естествен... что же в нем предмет ужаса? Пустота. В молодости я резал индюшек, и, когда ловил... их... они кричали... раздирающим голосом... а когда... просто гонялся... из шалости – крик... был другой...

– Так-то, – возразил, чувствуя себя неловко от «умственного» разговора, Филиппов, – то, знаете... птица – курица там, индюшка. Они глупые.

– У них тоже тело, – сказал Рябинин. Скуба, забыв о чае, ковырял в носу.

– Рассудок непостоянен, как женщина, – снова заговорил Рябинин, начиная впадать в полузабытье, – если бы все помнили... если бы все помнили... Нагнитесь.

Филиппов, солидно округлив спину, нагнулся к посиневшему лицу инженера. Рябинин заметался, потом широко раскрыл глаза и, с хитрой улыбкой на губах, таинственно зашептал:

– Если бы... человек... всегда помнил... что за гробом... один... пшик, нуль... он жил бы лучше. Не мерзавцем.

– Эх, – сказал староста, – да не тревожьте вы себя... право...

– На земле стало бы веселее... – сияя и радостно улыбаясь, продолжал Рябинин, – был бы огромный пир...

– Где пир? – расслышав последние слова, осведомился фельдшер.

Голова Рябинаина опустилась на подушку, глаза закрылись; он стал дышать быстро и тяжело; каждый его вздох сопровождался глухим хрипом.

– А ведь плохо ему! – сказал староста, подняв палец. – Бегите-ка за доктором, а?! Плохо ему.

Скуба, кивнув головой, вышел.

IV

Филиппов сел в кресло, почесал за ухом и сложил на животе руки. «Странно – думал он, – я ведь тоже умру. Каждый знает, что умрет, а все как-то не верится. Удивительно все на свете. Хотел утром напомнить Егорке, чтобы сапоги к воскресенью сшил, да на рантах, а не на гвоздях. Забыл. Десять худых мешков не забыть бы татарину продать. А что, если правда-то твоя, Алексей Федорович? Господи, прости меня, грешного. – Он зевнул и перекрестился. – Не понимаю я умственного этого пояснения. Понятно, человек в жару, бредит. Поверь-ка я ему, так от страха одного похудею. А он говорит, что веселее бы стало... держи карман шире! Расстроил он меня. Сорок лет ни о чем не думал, а сейчас, как паршивый студент какой, мозговать пустился. Положился бы на волю божию».

Закрыв глаза, он вдруг, неожиданно для себя, заснул. Прошло несколько минут, в течение которых и спящий и умирающий были неподвижны. Филиппов похрапывал. Левая рука Рябинаина свесилась, пальцы ее медленно шевелились. Рука как бы стремилась занять прежнее положение, согнулась в локте, вздрогнула и опустилась. И, еле слышно, так тихо, что почти не шевелились его губы, инженер прошептал:

– Милочка?.. Не мой кипятком руки... Возьми шпильки.

Наступила смертная тишина. В окне сверкал сад.

Филиппов вдруг очнулся, быстро вскочил и стал протирать глаза. Сильный, непонятный страх овладел им. Сонно жужжали мухи.

– Алексей Федорович! – тревожно позвал Филиппов.

Рябинин не шевелился. Староста подошел к кровати, увидел полуоткрытый рот, стеклянные, невидящие глаза и, быстро крестясь, бледный, задом отошел к двери. Здесь, вытянув шею и пугаясь таинственной тишины, Филиппов жалобно произнес:

– Алексей Федорович! Не шутите!

Критерии оценивания:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

5. Общая языковая и речевая грамотность, точность формулировок (отсутствие речевых и грамматических ошибок).

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

Итого: максимальный балл – 70.

N.B. Направления анализа, предложенные школьникам, не являются обязательными для целостного анализа; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Если ученик выбрал собственный путь анализа – он имел на это право, и оценивать надо работу в целом, а не наличие в ней ответов на опорные вопросы.

Задание 2

Последняя строчка

Один из выпусков популярного литературного канала «Армен и Федор» посвящен десяти лучшим первым строчкам в истории русской литературы. Послушайте/посмотрите пример разбора одной строчки (<https://www.youtube.com/watch?v=rznLMpAqg54> – временной интервал 33.35 – 38.35).

Напишите для канала «Армен и Федор» (или для своего канала) подобный же разбор строчки из текста произведения (она подчеркнута):

Рассказа А.И. Солженицына «Матрёнин двор»:

Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сёстрам, золовкам, смешная, по-глупому работающая на других бесплатно, – она не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша.

Критерии оценивания:

1. Выявление смысловых и композиционных связей последней строчки с предшествующим контекстом – до 10 баллов;

2. Соответствие текста жанровым особенностям видеоблога (лаконичность формулировок, сфокусированность выступления на одной проблеме, четкое выделение ключевых пунктов, свободное движение мысли) – до 5 баллов;

3. Грамотность и выразительность речи, композиционная связность текста – до 5 баллов.

Максимальный балл – 20.

11 класс

Задание 1

Выполните целостный анализ произведения Ш. Бодлера. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: особенности авторской характеристики обитателей ада (как автор выражает своё отношение к ним и к Дону Жуану?); соотношение героев стихотворения с литературными прототипами. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Шарль Бодлер

Дон Жуан в аду

Когда Жуан сошел к волнам Аида сонным
И молча протянул Харону кошелек,
Узрел он нищего со взором непреклонным,
И тот безжалостно на весла приналег.

С грудями тощими и в одеяньях рваных
Под небом траурным клубился женщин рой,
И, как последнее мычанье жертв закланных,
За дон Жуаном плыл их заунывный вой.

И Сганарель, глумясь, настаивал на плате,
И гневный дон Луис трясущимся перстом
Указывал теньям, явившимся некстати,
На сына дерзкого, позорившего дом.

Готовая принять измену за ошибку,
Эльвира, худобу укутав поплотней,
У мужа кланчила последнюю улыбку,
Согретую опять любовью первых дней.

В доспехах каменных стоял с ним некто рядом.
Но, опершись на меч, безмолвствовал герой
И, никого вокруг не удостоив взглядом,
Смотрел, как темный след терялся за кормой.

Выполните целостный анализ произведения А.Н. Толстого. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: литературные аллюзии; приёмы комического в повествовании. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Алексей Николаевич Толстой

Казацкий штос

Наш городок был взволнован, как лужа в грозу, ночным приключением у штабс-капитана Абрамова; с утра в управлении чиновники облепили стол столоначальника Храпова, которому всегда и все известно, офицеры в собрании пыхали друг на друга папиросками и выпили сгоряча у буфетчика всю содовую; а барышни с ямочками на локтях (наш городок издавна славился такими ямочками) умирали от любопытства и смотрели сквозь тюлевые занавески на улицу в надежде – не пройдет ли мимо неожиданный и страшный герой.

А на улице медленно падал, со вчерашнего еще дня, первый снег, садясь на соседние крыши, за решетки палисадников, а на столбах ворот и на подоконниках лежали из него белые подушки, в которые приятно опустить пальцы, вынув их из теплой варежки на мороз.

И повсюду и в комнате гостиницы «Якорь», где остановился Потап Алексеевич Образцов, был тот же ясный и прохладный свет.

Потап Алексеевич, лежа в помятой рубашке на кровати за ширмой, курил крепкие папиросы и морщился, говоря с досадой:

– Фу, как это все неловко вышло... не офицеры здесь, а бог знает что. Я давно говорил: запасный офицер, будь он хоть сам полковник, карту в руки взять не умеет и больше все лезет в лицо. А я тоже хорош – с первого раза закатил им казацкий штос... Нет, нет, сегодня же марш отсюда...

Потапу и не хотелось вставать и было скучно одному в номере; свесив с кровати голову, он поднял сапог и бросил его в дверь, призывая этим полового. Половой тотчас вошел, накинув для уважения поверх тиковых штанов и косоворотки фрак с продраным локтем.

– Что это у тебя, братец, прыщи на носу? – сказал Потап, с отвращением глядя на полового.

– Бог дал-с, – ответил тот и почесал босой ногой ногу, приготавливаясь этим к долгому разговору.

– А что, меня еще никто не спрашивал?

– Да заходил офицерик один, обещался еще наведаться.

– Что ему нужно? – воскликнул Потап, скидывая на зашарканный коврик полные ноги. Половой живо подскочил и натянул на них панталоны со штрипками. Потап встал у зеркала и конской щеткой стал расчесывать львиные свои кудри с проседью и русую бороду на две стороны, подбородок же был гол, то есть с пролысинкой.

– А что, офицер сердитый приходил? – спросил Потап сквозь зубы.

– Нет, не сердитый. Офицерик маленький, зовут Пряник.

Тогда Потап сел на диванчик и выпустил воздух из надутых щек; да и было отчего.

Вчера вечером (Потап заехал в наш городок на днях) у штабс-капитана Абрамова устроили в честь приезжего гостя банчок. Ночью, часу в пятом, когда оплывшие свечи были усажены снизу, как ежи, окурками, когда молодой офицер уже лил вино на расстегнутый мундир, когда старые капитаны отмахивались только от табачного дыма, лежа на оттоманке,

а пьяный денщик силился, сидя у двери на полу, раскупорить бутылку, тогда Потап Образцов вдруг предложил казацкий штос.

Все очень удивились, ответив, что такой игры в полку не знают. Потап приказал денщику подать пунш и, когда все его выпили, встал и объяснил примером.

Наметив около банкомета пачку кредитных денег, вдруг дунул на свечи, левой рукой схватил штабс-капитана за воротник, правой – кредитки и, как из пушки, крикнул:

– Штос!

В темноте офицеры полезли друг на дружку, прапорщик Бамбук выстрелил даже. Потапа у самой двери схватили за ноги, отняли деньги, помяли, и вообще вышло совсем не то, не по-товарищески и противно законам игры.

– Теперь всего можно ожидать, – сказал, наконец, Потап, поджав под диванчик ногу. – В сущности, что есть нравственность? – выдумка дам и разночинцев, а мы выше мещанских понятий. Нужно только уметь уважать себя.

Так рассуждал Потап, любя иногда отвлеченные мысли, а за дверью офицер тихонько позвякивал шпорой.

– Звонят, – сказал половой, которому надоело торчать перед Потапом, – впустить, что ли?

Потап поднялся, сказал: «Проси», и шагнул к двери, в которую пролез маленький, розовый, с черными усиками офицер, по прозвищу Пряник.

Потап раскрыл руки и притиснул офицера к себе, целуя в щеки. Пряник же, встав на цыпочки, поцеловал Потапа в губы.

– Я пришел-с, – сказал офицер, заикаясь, – с покорнейшей просьбой – объяснить мне игру в штос.

– Ого-го, батенька, это серьезная игра. А, кстати, офицеры не собираются меня бить?

– Что вы, да все от вас без ума.

– Ну, – сказал Потап, – уж и без ума... Вы все славные ребята; мы еще перекинемся. А сведите-ка меня, покажите ваших дам; кстати, вчера я видел мельком прехорошенькую бабенку.

– Боже мой, это была Наденька Храпова. Я весь в поту, когда думаю о ней.

Пряник действительно, ослабев, сел на стул. А Потап принялся громко смеяться.

Наденька Храпова каталась в это время на катке, куда Потап и Пряник пошли вдоль Дворянской улицы, причем Пряник припрыгивал на ходу. Потап же, надев цилиндр набекрень, распахнул волчью шубу и раздумялся, поводя выпуклыми глазами. Навстречу через улицу перебежал чиновник в башлыке, с ужасом глянул в лицо Потапу и, пропуская его, прижался к стене, втянув живот.

– Удивляются вам очень, – сказал Пряник вкрадчиво, – вы ужасная знаменитость.

– Ну уж и знаменитость, – сказал Потап.

А Пряник просунул руку Потапу под локоть и строго взглянул на барышень, которые, хихикая, скользили по снегу противоположного тротуара. Гимназисты, чиновники, мещанки с подсолнухами – все шли на каток и все оглядывались на Потапа. Вдоль улицы, разметая снег, летел полицеймейстер на отлетной паре. Увидев Образцова, он приложил два пальца к шапке, и воловий затылок его покраснел от удовольствия.

На катке было черно от народа; играла духовая музыка, и всем известный пиротехник Буров ставил шесты и привязывал колеса для сегодняшнего фейерверка.

К Образцову тотчас подошли офицеры, и штабс-капитан Абрамов с лиловым носом, хохоча, обнял его при всех, говоря громко, как труба:

– Ну, Образцов, даешь ответный банк?

Офицеры замолчали; подошли штатские в калошах, какой-то парень плевал семечками на спину Прянику и вытирал пальцем нос. Образцов сказал громко:

– Даю ответный, прошу сегодня ко мне всех.

– А мы тебя штосом, – захохотал штабс-капитан, но все продолжали молчать, удивленные смелости Образцова.

Потап только сейчас сообразил, как в руку ему сыграла вчерашняя выходка; намерения его были огромны, и недаром звал себя артистом Потап Образцов: он умел создавать события и потом пользоваться ими, оставаясь всегда отставным гусаром в душе.

Сегодняшний день был словно бокалом шампанского натошак, и в ясной голове Потапа возник необычайный план.

– Господа, – сказал Потап офицерам, – я вас покидаю для пары хорошеньких глаз, – и тотчас отошел, крепко держа Пряника. Пряник сначала шел спокойно, потом заволновался, перегнулся через перила и зашептал:

– Вон она, Наденька, боже мой, она одна только и есть на катке.

Действительно, Наденька, клонясь то вправо, то влево, скользила вдалеке по льду, придерживая иногда заячьей муфтой меховую шапку.

Увидев Пряника и Потапа, Наденька круто завернула и села около мужа на скамейку, опустив глаза; не подняла Наденька глаз, когда Пряник представлял ей Образцова и когда Потап тайно вдруг и быстро сжал ее маленькую руку в белой перчатке, а только вспыхнула еще ярче и, вместо ответа, унеслась по льду, тоненькая, как девочка, в узком платье и мехах.

А столоначальник Храпов, которому Потап наступил на башмак, задрал серую бороду кверху и проворчал, глядя через очки:

– Осторожнее бы надо.

Столоначальник был вообще гадок, и его сейчас же оставили.

А Наденька, обежав круг, прикрылась муфтой и блеснула из-за меха лукавым глазом на Потапа. Образцов перегнулся через загородку и негромко, но ясно сказал:

– Милая.

Наденька ахнула и задумалась. Опустив голову и покачиваясь, она медленно двигалась по льду; а потом сильно оттолкнулась и понеслась гигантским шагом. Пять раз обгоняла она Образцова, на шестой взглянула на него, как на солнце, и влюбилась.

– Вы страшный человек, – сказала она, остановись у загородки и глядя из-под шелковых темных бровей.

– Я люблю вас, – сказал ей Потап. Пряник отошел, сморкаясь.

– Какие вы пустяки говорите, – прошептала Наденька, и круглое лицо ее в ямочках и родинках стало нежным.

Дальнейшему разговору помешал подошедший столоначальник. Потап только успел спросить – будет ли Наденька на катке вечером, и тотчас ушел. Пряник проводил его до гостиницы.

У себя Потап раскрыл потертый чемодан, вынул из потайного дна «верную» колоду и, развалясь, крикнул полового.

– Опять зовете, – спросил половой, – что надо?

– Вот тебе на чай, хоть ты и дурак, как я вижу.

– Никак нет, – сказал половой, – не дурак. Это вам насчет верной масти подкинуть? Я могу.

– Молодец, вот тебе еще на чай.

Половой разгладил бумажки на ладони, подмигнул и сказал:

– К нам летось тоже один жулик приезжал...

– Пошел вон! – воскликнул Потап.

Половой сейчас же выскочил, унося колоду. Потап раскрыл стол, бросил на диван медвежье одеяло, попрыскал в комнате одеколоном и раскрыл форточку, заложив руки за голову. На бороду ему и лицо сели снежинки. Потап вдохнул пряный и морозный холод и сказал:

– Потап, ты дурень, она погубит тебя. Бедная девочка. А все-таки ей нужно узнать счастье.

Офицеры пришли все сразу; за ними протеснились трое штатских в нафталиновых сюртуках и, не смея сесть, стали у печки.

Штабс-капитан упал на диван и захохотал, потирая руки. Потап сел напротив, и его тяжелое, в бакенбардах, лицо с орлиным носом словно повисло меж двух свечей.

Офицеры обступили стол, Пряник сжимал в руке мокрую кредитку.

Образцов вынул дорогую табачницу, закурил, пуская дым сквозь усы, положил гладкий портсигар перед собой и, постучав по столу, крикнул половому, чтобы принес карты. Потом с треском разломил колоду и, опустив глаза, сказал:

– Прошу, игра начата, в банке тысяча.

Диван затрещал под штабс-капитаном.

– Половина, – сказал он с трудом.

Штатские отошли от печки и нагнулись над свечами.

– Дана, – спокойно ответил Образцов во время молчания, когда слышался только шелест карт.

Так началась игра. Ловкие руки Потапа словно летали над столом, разбрасывая «верные» карты, и, отдав первые ставки, он стал брать, складывая деньги под табачницу. Лицо Потапа точно окаменело, и, словно освещая его, поднимал он иногда злые, серые глаза.

Штабс-капитан сидел с распухшим носом и вытирался, офицеры хмурились, иные грызли усы и торопливо доставали бумажник, штатские осмеливались даже наваливаться сзади на спины. В номере с полосатыми обоями было душно и прокурено. Вдруг на улице затрещали выстрелы, и морозные узоры на окнах осветило багровым светом.

Потап выронил колоду и, поспешно встав, подошел к окну. Там, наискосок, на катке вертелись огненные колеса, трещали бураки, рассыпались фонтаны. И в этом аду бегал, с развевающимися рыжими волосами, и все поджигал сам пиротехник Буров.

Образцов быстро повернулся, обхватил вставшего подле Пряника за плечи и шепнул:

– Ради бога, ты меня любишь?

– Хочешь, я палец отрежу, – прошептал Пряник.

– Хорошо, я верю. Милый, беги сейчас на каток, скажи ей, что я люблю, надень коньки, катайся с нею, я приду.

– Образцов, что же вы, – зашумели офицеры, – мы ждем.

– Одну минуту, господа. Пряник, беги же.

Потап вернулся к столу, сдал карты, облокотился и, улыбаясь, задумался.

– Да ты, братец, раскис! – воскликнул штабс-капитан. – Не вовремя, братец.

Образцов посмотрел на него, топорща усы, потом осторожно двумя пальцами взял несколько карт, рванул, бросил под стол и сказал:

– Спросим новые, правда? Эти попачканы.

На катке в это время по темному льду, по отблескам пламени из десяти адских колес, свиваясь и легко наклоняясь, пронеслись, как тени, барышни и гимназисты; загородку облепил черный народ, на заборах торчали головы и скрюченные мальчишки, а на льду на скамейке столоначальник Храпов брезгливо морщился, отворачиваясь от жены.

– Я не знала, когда выходила замуж, что вы мучитель, – говорила ему Наденька, вынув из муфты платок. – Что я сделала вам плохого? Господин Образцов высшего общества, и у него манеры, а вы ко мне придираетесь. И вообще вы должны помнить, что я молодая женщина.

Столоначальник, который терпеть не мог ни катка, ни фейерверков, обиженно молчал. Наденька прикладывала к щекам платочек. Вдруг она увидела подбегающего Пряника, поднялась навстречу, подала ему руки и, взмахнув краем юбки, унеслась по льду.

– Он вас любит безумно, – сказал Пряник, задыхаясь.

– Тише, – прошептала Наденька, – за нами следят, – и углы ее нежного рта воздушно усмехнулись.

Так скользили они и кружились, то вступая в пламя фонтанов, то пропадая в тени, и все говорили об одном, торопясь и перебивая. А длинные, зыбкие тени двигались по зеркалу катка, и много было тонких, и тучных, и наклоненных вперед, и взмахивающих руками, то сцепившихся, то пишущих круги, но ни одна тень не походила на Образцова.

Наденька, наконец, примолкла и опечалилась. Пряник оглядывался на ворота. Наконец он потихоньку сжал Наденькины руки и сказал:

– Его не пускают, я уж знаю, там идет страшная игра. Наденька, если бы вы знали – он герой, честное слово.

И Пряник, сбросив коньки, побежал наискосок в гостиницу, где у подъезда стояла тройка и толстый ямщик похлопывал рукавицами.

Распахнув дверь, Пряник в табачном угаре увидел Образцова, который, сложив на груди руки и закинув голову, стоял у стенки; на него напирал штабс-капитан в расстегнутом мундире; офицеры, протягивая руки, грозились и негодовали; Бамбук, позади всех, размахивал саблей; штатские, увидев Пряника, стали объяснять, что Образцов, обыграв всех, увиливает теперь от игры...

– Пряник, – воскликнул Потап сквозь шум, – она ждет, да?

Пряник, мотнув головой, сделал страшные глаза и показал за окошко. Потап топнул ногой и крикнул:

– Хорошо, мне нет больше времени, я ставлю последний раз все деньги, прошу идти – ва-банк. Пряник, мечи, мне они не верят.

Потап бросил на стол толстую пачку денег и отвернулся к окну. Пряника подхватили, сунули колоду в руки, штабс-капитан, ломая мел, пометил карту, и Пряник стал класть направо и налево.

– Скорее, – крикнули ему.

– Бита, – ответил он шепотом. Штабс-капитан схватился за голову и сел на пол.

Тогда Потап, криво усмехаясь, повернулся от окна и сказал:

– Ну что, теперь отпустите меня?

– Нет! – заорал Бамбук, Штатские стали у дверей, а штабс-капитан простонал:

– Не пускайте его!

– Хорошо, – продолжал Потап, – тогда окончим игру, как вчера.

Он приостановился, провел по волосам и вдруг крикнул:

– Казацкий штос!

Штабс-капитан, вскочив, кинулся на стол, который затрещал и повалился вместе с ним; погасли свечи, и на обоях затанцевали тени рук и голов и красные пятна огня.

Потап в это время, выбежав с Пряником на мороз, вскочил в сани, пересек улицу и, остановив тройку у ворот катка, сказал Прянику:

– Милый, скорей, скажи ей, что я умру, если не придет.

Но из ворот в это время вышла Наденька; столоначальник сзади нес ее коньки. Наденька ахнула и прижала муфту к груди. Потап взял ее за руку, сказал: «Ваш муж один найдет домой дорогу», и потянул к себе. Наденька, слабея, ступила ногой на подножку, Потап увлек ее в сани, крикнул: «Пшел», и прозябшие кони рванулись вскачь.

Столоначальник тотчас же побежал в другую сторону за полицейским, а Пряник, до которого из морозного вихря долетели слова Потапа: «Скажи всем, что сегодня я был честный человек», долго еще стоял у ворот катка, снимая и надевая белые перчатки.

Потом уже, когда весь городок был потрясен скандалом, объяснили Прянику, что Потап был не иначе как подослан каким-нибудь графом – похитить Наденьку. Или был просто австрийский шпион. В нашем городке любят вообще создавать слухи.

1910

Критерии оценивания:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

5. Общая языковая и речевая грамотность, точность формулировок (отсутствие речевых и грамматических ошибок).

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

Итого: максимальный балл – 70.

Н.В. Направления анализа, предложенные школьникам, не являются обязательными для целостного анализа; их назначение – лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Если ученик выбрал собственный путь анализа – он имел на это право, и оценивать надо работу в целом, а не наличие в ней ответов на опорные вопросы.

Задание 2

Последняя строчка

Один из выпусков популярного литературного канала «Армен и Федор» посвящен десяти лучшим первым строчкам в истории русской литературы. Послушайте/посмотрите пример разбора одной строчки (<https://www.youtube.com/watch?v=rznLMpAqg54> – временной интервал 33.35 – 38.35).

Напишите для канала «Армен и Федор» (или для своего канала) подобный же разбор строчки из текста произведения (она подчеркнута):

Поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души»:

Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

Критерии оценивания:

1. Выявление смысловых и композиционных связей последней строчки с предшествующим контекстом – до 10 баллов;

2. Соответствие текста жанровым особенностям видеоблога (лаконичность формулировок, сфокусированность выступления на одной проблеме, четкое выделение ключевых пунктов, свободное движение мысли) – до 5 баллов;

3. Грамотность и выразительность речи, композиционная связность текста – до 5 баллов.

Максимальный балл – 20.